

Эта книга – невероятное явление сегодняшней русской поэзии, а если раздвинуть границы времени, она найдёт себя в любом из времён. Эта книга – дебют! Она так и называется: «Первая книга стихов». И первое, что удивляет, творила её не школьница, записывающая в альбом первые взволнованные строчки. Впрочем, иногда подумаешь, а есть ли ещё такие школьницы, время, вроде, не то, другие нынче устремления у юных. Но тут же даёшь себе острастку: откуда же берётся такое разнообразие достойных имён поэтов, уже обративших на себя внимание читателя, который, кажется, тоже ещё есть. И всё же дебютная книга Юлии Пикаловой предстала наособицу. Она, действительно, начала писать поздно, в том смысле, что непонятно, как сразу и уверенно вошла в поле настоящего поэтического пространства – один из троих авторов предисловий отметил, что большая часть из 500 стихотворений, составивших книгу, написана в промежутке 2015-2020 годов. Слишком малый срок, чтобы достичь уровня поэтов любой школы. Независимо от прежних её профессиональных занятий, она, будучи музыкантом-любителем, сыграла несколько концертов с большим оркестром в качестве солирующей пианистки. Когда читаешь книгу её стихов, тоже удивляешься этому яркому творческому лицу, проявленному в разных видах искусства. Том стихов, весом более трёх килограммов – смешно рецензенту взвешивать на вес стихи – но тут речь о поэзии самого весомого уровня. Стихи /Юлии Пикаловой изобилуют множеством эпитафий, имён, исторических названий, стран, городов. Побывал ли автор в каждом из них, не ведаю. Только в одном случае к стихотворению приложено примечание, что она в этом городе не побывала. Пикалова прекрасно разбирается в мировой живописи, глубоко осмысливает явления этого мира и прочих миров – проникая в Космогонию. И, как следует настоящему поэту, пользуется для исследования нашего бытия только одним инструментом – поэзией!

Некоторые стихотворения сложны для первого восприятия, но это не цель – писать сложно. Просто сложным оказывается

исследуемый предмет – наша повседневная жизнь и наше существование во Вселенной. Потому и рождаются стихи, которые требуют второго или третьего прочтения. На самом деле, она убеждена в том, что стихи не должны герметично закрываться от читателя.

Например, в воображении автора возникает мраморная глыба молочного цвета. Этой глыбе под рукой скульптора предстоит обрести черты произведения искусства – вроде бы избитая тема? Но Пикалова находит свой свежий образ:

Ты слышишь зов.
Идешь, ведомый верой,
Волнуясь и заранее любя,
В далёкие каррарские карьеры
Освобождать позвавшего тебя...

...Как побежит узор тропинок млечных?
Не ошибись, творец, судьбу верша,
И выбери из глыб немых и вечных
Блок мрамора, в котором есть душа.

Юлия Пикалова строит свои стихи, словно музыкальные произведения с их сложной и разнообразной формой. И это понятно, учитывая, что на музыкальной сцене её появление было успешным. Музыка органично входит в состав её творческого инструмента – в слово. Но важно подчеркнуть, насколько пронизаны музыкой, звуком её стихи. При этом автор не гонится за звукописью, не педалирует, точно выдерживая вкус и меру:

Угасший день, уснувший аист.
Богов благие сны храня,
Глубокими глазами август
Глядел в молчании в меня.

Бездонные явились виды,
Вилась небесная лоза...
И белым ливнем персеиды
Перечеркнули мне глаза.

Пикалова глубоко всматривается в отношения человека и Бога, проявляя личностный взгляд на библейские тексты. Работа – серьёзного поэта! Можно сказать, что Поэт переводит на свой лад библейские стихи, создавая своё «Сотворение мира»:

Земля была безвидна и пуста,
И Божий дух носился над водою.

Поэт над гладью чистого листа
Измается возможностью любовью.
Он изымает всё из ничего
И заново над мирозданием бьётся,
И мнимое могущество его
Беспомощностью жалкой обернётся:
Влекутся волны, вольны и горды.
И в их глубинах – волны, волны снова,
И это наваждение воды
Не поддаётся наважденью слова...

Немыслимое кому-то количество городов и стран, упомянутых поэтом, на самом деле, не так уж пугает, но подталкивает к вопросу: стихи в разделе «География» не носят ли характер туристических пересказов исторических событий и фактов? Но мы говорим о поэте Юлии Пикаловой – она видит суть и характер того, о чём размышляет. Вот её стихотворение о Стамбуле, величественном в давние столетия и роскошным и сегодня. Именно образ современного Стамбула, где соседствуют деловые кварталы с базаром, потрясает и своим архитектурным разнообразием, где так впечатляюще соседствуют творения зодчих разных времён, смесь Европы с Азией, древности с модерном:

Декабрь. Но воздух пахнет мартом, мазутом, рыбой, пахлавой.
В порту залиvisto, с азартом свистит разбойник-постовой.
Лотки: стекло, каштаны, брынза, и снова: чайки, гам, весна,
И неба вогнутая линза всей синевой наведена
Вниз на Босфор, на нас, на храмы, что ею вдавлены в холмы –
Но держат на себе упрямо весь вес её, чтоб жили мы.

Столица с примесью аула, глухая древность с новизной...
Всё то, что было у Стамбула, теперь останется со мной:
Чужого города громада, чужого неба громадьё,
Где выживают кровь граната, как сердце выжали моё.

Вот вам палитра слов, благодаря которой и воспроизводится образ города. Только для того, чтобы эту картину написать, передавая всю разноречивую красоту города-события, нужно быть не туристом, а поэтом! Она и есть поэт, Юлия Пикалова.

Некоторые стихи поражают своей интонацией из другой жизни, как это удаётся автору длинного стихотворения «Письмецо в конверте». Тут появляется расхожая в своей простоте интонация, ощутимый провинциальный говорок. Будучи не совсем в ладах со словом, но совсем не глупая провинциалка, не без иронии пишет ответное письмо своему, вдруг напомнившему о себе однокласснику, который, вероятно,

добился больших успехов в столицах. Барышня жалуется на тоску провинциальной жизни. Реалии – современные. Но почему этот говорок пахнет пушкинскими временами? Интонация, знакомая нам по письму Татьяны к Онегину?! Этого эффекта автор с завидной лёгкостью достигает, когда это необходимо. И всё же ей ближе Гумилёв, Блок, притягателен весь Серебряный век, и Пикалова с горьковатым вздохом пишет:

Условности забыты за сто лет,
У слова есть полнейшая свобода.
Цветёт абсурд. Облагорожен бред –
Стой под стрелой, броди, не зная брода.

Фонарь кромсает яро бархат тьмы,
Другим торгует морфием аптека.
И дорастём ещё нескоро мы
До своего Серебряного века.

Что ж, поэт Юлия Пикалова до своего Серебряного века, на мой взгляд, доросла. Такой вот дебют!